

ПИСЬМО, ИЗМЕНИВШЕЕ СУДЬБУ... (неопубликованные материалы к биографии В.С. Адрианова)

© 2020 г. Е.Г. Панкратова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Россия

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.2019 г.

DOI: 10.31857/S086960630009078-4

Биографиям ленинградских ученых, чей жизненный путь был прерван в годы политического террора, посвящено большое количество публикаций (Аншин, Алпатов, 1994; Артизов, 1994; Брачев, 2008; 2015; 2016; Зуев, 1995; Панкратова, 2019; Платонова, 2004; Решетов, 2000; 2003; Султанбеков, 2002; Тункина, 2000). Несмотря на то что практически все эти работы основаны на недоступных ранее архивно-следственных материалах, многие факты биографий исследователей до сих пор остаются неизвестными. Так, к примеру, в современной историографии отсутствует исследование, посвященное причинам ареста археолога и палеоэтнолога В.С. Адрианова¹.

Основным источником, позволяющим восполнить пробелы в биографии В.С. Адрианова, являются материалы архивно-следственного дела П-23819, хранящегося в архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО). Дело было заведено в августе 1936 г. в отношении С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова, как обвиняемых в участии и создании “террористической группы Государственной академии истории материальной культуры” (ГАИМК). Архивно-следственное дело состоит из семи томов, сгруппированных по лицам (документы, касающиеся В.С. Адрианова, содержатся в седьмом томе). Основной состав документов: постановления о проведении ареста и обыска; акты изъятия и списки конфискованных материальных ценностей и документов (книги, рукописи, переписка, фотографии, оружие);

постановления об избрании меры пресечения; анкета арестованного; протоколы допросов и очных ставок; текст предварительного обвинения; протокол закрытого судебного заседания; справка о расстреле и реабилитации². Из всех этих материалов опубликованы некоторые документы в отношении М.Г. Худякова (Султанбеков, 2002), а также протоколы допросов Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского (Панкратова, 2018). В ходе работы над статьей были привлечены документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН), состоящие из личных дел и трудовых списков В.С. Адрианова.

Василий Степанович Адрианов родился в 1904 г. в Санкт-Петербурге. Выпускник Министерского училища в Ораниенбауме (1911–1914 гг.) и Стрельнинской гимназии (1914–1918 гг.), в 1922 г. он поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета. В 1924 г. был исключен, однако остался вольнослушателем археологического отделения университета. В 1925 г. работал в составе экспедиций П.П. Ефименко³ (р. Деркул,

² Документы из архивно-следственного дела приводятся в хронологическом порядке.

³ Ефименко Петр Петрович (1884–1969 гг.) — археолог, академик АН УССР (с 1945 г.). С 1915 г. работал в Историческом музее (заведующий Отделом крестьянского быта, с 1922 г. — заведующим Отделом славяно-финской археологии); с 1919 г. работал в этнологическом разряде Московской секции ГАИМК. В 1923 г. переехал в Петроград. Работал в Этнографическом отделе Русского музея (1924–1930 гг.), в Музее антропологии и этнографии (1931–1932 гг.) и Эрмитаже (с 1932 г.). Заведующий Сектором палеолита и неолита ИИМК (1938–1950 гг.). Директор Института археологии (1946–1954 гг.) Академии наук УССР (Киев). Преподавал в ЛГУ (1924–1938 гг.).

¹ Становлению научных интересов ученого посвящена работа А.М. Решетова (2002). Сведения об экспедиционной деятельности В.С. Адрианова на территории Якутии приводятся в статьях А.А. Сулейманова (2015; 2016). Арест и расстрел В.С. Адрианова упомянут в общем контексте исследования Б.Ф. Султанбекова (2002), посвященного М.Г. Худякову.

Харьковская губерния) и А.А. Миллера⁴ (Кобяково городище, Воронежская губерния).

В 1926 г. В.С. Адрианов был зачислен в штат Русского музея на должность мастера-реставратора. Вплоть до 1930 г. продолжал научную деятельность в этнографическом отделе музея, за время службы принимал участие в раскопках С.А. Теплоухова⁵ на территории Танну-Тувинской народной республики, в 1929 г. под руководством С.И. Руденко⁶ в составе Алтайской экспедиции по исследованию Первого Пазырыкского кургана на Улаганском плоскогорье (Решетов, 2000. С. 239).

С 15 ноября 1932 г. В.С. Адрианов состоял в должности научно-технического сотруд-

⁴ Миллер Александр Александрович (1875–1935 гг.) — археолог, кавказовед, этнограф, специалист в области палеоэтнологии. Директор (1917–1921 гг.), руководитель этнографического отдела Русского музея (1908–1932 гг.). Арестован в 1933 г. по делу “Российской национальной партии”. Приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая срок с 09.10.1933 г. Умер в заключении 12 января 1935 г. Реабилитирован 28 ноября 1996 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695).

⁵ Теплоухов Сергей Александрович (1888–1934 гг.) — археолог, этнограф, антрополог. Преподаватель кафедры и заведующий кабинетом географии и антропологии Томского университета (1919–1922 гг.), где и было начато сотрудничество с С.И. Руденко, Ф.А. Фиельструпом и А.К. Ивановым. С 1920 г. — секретарь естественно-исторического отделения Института исследования Сибири (руководитель — С.И. Руденко). Руководитель Абаканско-Минусинской экспедиции, среди участников которой работал студент С.А. Теплоухов — М.П. Грязнов. С 1922 г. — преподаватель кафедры антропологии физико-математического факультета Петроградского университета. В 1929 г. был отчислен из числа преподавателей ЛГУ и продолжил работу в должности хранителя этнографического отдела Русского музея. В 1924 г. участвовал в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова; в 1927–1927 и 1929 гг. руководил экспедицией АН СССР в Танну-Тувинской республике. 26 ноября 1933 г. был арестован по делу “Российской национальной партии”. 10 марта 1934 г. покончил жизнь самоубийством, повесившись в камере. Реабилитирован 27 мая 1958 г. (Китова, 2010. С. 166–173).

⁶ Руденко Сергей Иванович (1885–1969 гг.) — археолог, антрополог, этнограф. С 1928 г. подвергался травле как “буржуазный специалист”. В 1930 г. арестован по “академическому делу”, 12 лет отбыл в ИТЛ. С 1942 г. возобновил работу в ИИМК АН СССР. В 1947–1949 гг. продолжил крупномасштабные исследования Пазырыкских курганов в Горном Алтае. Материалы его раскопок, представленные уникальными находками из войлока, дерева, кожи (деревянная колесница, одежда, ковры, оружие, украшения), в настоящее время находятся в экспозиции Государственного Эрмитажа. Личный фонд С.И. Руденко хранится в СПбФ АРАН (Тункина, 2006. С. 48–55).

ника доклассового сектора ГАИМК (рис. 1). В январе 1933 г. он был включен в подкомиссию по экспедициям ГАИМК. В этом же году совместно с научным сотрудником ГАИМК К.Г. Болтенко участвовал в археологических раскопках и разведках на территории БАМлага. В 1934 г. участвовал в раскопках на территории Манычстроя. В ходе этих исследований В.С. Адриановым была сделана серия фотографий, которые являются важнейшим источником для изучения археологических раскопок, проводимых на территории исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

В 1932 г. по просьбе руководства Зоологического института АН СССР В.С. Адрианов был направлен на Ямал, где занимался изучением фауны четвертичного периода. Кроме этих исследований им был снят фотоматериал, характеризующий быт ненцев и хантов Ямало-Ненецкого национального округа. В 1933 г. эти фотоматериалы были переданы в дар Музею археологии и этнографии (МАЭ) (Решетов, 2000. С. 242).

Важно отметить, что по мере встраивания Академии наук в тоталитарную систему Советского государства, направленность экспедиционных исследований неизбежно менялась. На первый план выдвигались проблемы, связанные с обеспечением задач экономического развития страны и прежде всего с изучением

и освоением природных ресурсов (Сулейманов, 2016. С. 395). Этнографические исследования стали объектом дискуссий, касающихся в первую очередь предмета и задач науки. Этнографии предписывалось прежде всего изучение экономики и смены социально-экономических формаций, и в первую очередь — изучение доклассовой формации (Решетов, 2003. С. 161). Безусловно, центром этнографической науки в тот период времени являлся МАЭ, который также переживал ряд преобразований.

2 февраля 1933 г. Общее собрание АН СССР утвердило постановление Отделения гуманитарных наук о слиянии МАЭ и ИПИИ. С 15 февраля на этой базе был создан ИАЭ АН СССР, директором которого был назначен Н.М. Маторин⁷. Однако уже 23 декабря 1933 г. он был “освобожден” от должности директора, на которую был утвержден академик И.И. Мещанинов. На должность заместителя директора с 1 января 1934 г. был назначен А.А. Бусыгин⁸ (Решетов, 2003. С. 184). Н.М. Маторин остался в ИАЭ в качестве старшего специалиста, вплоть до своего ареста 3 января 1935 г.

В феврале 1935 г. со стороны директора ЗИН АН СССР в ГАИМК вновь поступило письмо с просьбой командировать В.С. Адрианова

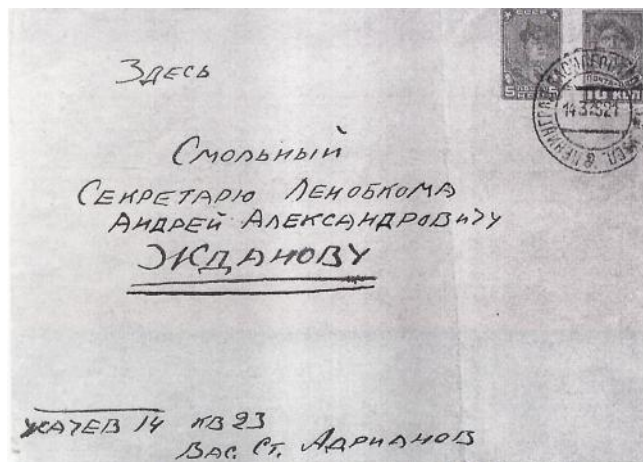
на территорию Ямало-Ненецкого округа для изучения останков палеофауны. В ходе научных изысканий на Ямале в 1935–1936 гг. им была открыта уникальная Усть-Полуйская археологическая культура (Сулейманов, 2016. С. 402). Археологические материалы, среди которых были многочисленные фрагменты керамики, ножи, гарпуны, крючки, вызвали большой интерес как среди советских, так и зарубежных исследователей (Сулейманов, 2015. С. 55). В апреле этого же года В.С. Адрианов был переведен в распоряжение АН СССР и оставлен в должности сверхштатного сотрудника в Бюро экспедиционных исследований. 17 февраля 1935 г. между В.С. Адриановым и ИАЭ АН СССР был заключен договор на проведение исследователем археологических раскопок на Ямале (Решетов, 2000. С. 245). 15 октября 1935 г. В.С. Адрианов был принят в ИАЭ АН СССР научным сотрудником I разряда (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4680. Л. 6).

14 марта 1936 г. В.С. Адрианов обратился с личным письмом к первому секретарю Ленинградского обкома А.А. Жданову (рис. 2, 3). В тексте письма (№ 1) он обращал внимание на необходимость организации и финансирования этнографических экспедиций по изучению народностей Севера, обосновывая это важностью наблюдения за сменой общественных форм у малых народов. Он подчеркивал значимость комплексного анализа результатов этнографических исследований и археологических материалов. В качестве примера им упоминалась коллекция из раскопок Пазырыкского кургана 1929 г., предметы из которой хранились в Эрмитаже и Русском музее. Одним из важных аспектов научной работы В.С. Адрианов считал восстановление и поддержание научных связей с западными музеями и институтами, о чем он и упоминал в тексте письма. Судя по всему, ответа на это обращение он не получил, и сам документ был сохранен в архиве канцелярии Ленинградского областного комитета (Смольного).

5 июня 1936 г. В.С. Адрианов был командирован на четыре месяца в район Салехарда для продолжения археологических исследований. Это направление было последней записью в его трудовом списке, поскольку дальнейшие события оборвали не только научную карьеру, но и жизнь ученого. В 1936 г. начались аресты научных сотрудников ИАЭ АН СССР и ГАИМК, подозреваемых в членстве в сети “террористических

⁷ Маторин Николай Михайлович (1898–1936 гг.) — этнограф, религиовед, фольклорист. В 1923–1925 гг. был научным сотрудником НИИ марксизма. В январе 1929 г. стал заведующим Отделением этнографического разряда ГАИМК (1929 г.). Профессор Ленинградского государственного историко-лингвистического института (1931 г.); директор Института антропологии и этнографии АН СССР (1933 г.). Председатель Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников (1929–1934 гг.). 3 января 1935 г. арестован как “активный оппозиционер”, приговорен к пяти годам ИТЛ. В феврале 1936 г. по обвинению в членстве в троцкистско-зиновьевской организации приговорен к ВМН и расстрелян (1936 г.). Реабилитирован в 1958 г. Личное дело Н.М. Маторина было затребовано военным прокурором Ленинградского военного округа 22 августа 1957 г. для подготовки документов о реабилитации (СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Т. 1. Д. 1172. Л. 59). Репрессиям подверглись и члены семьи Н.М. Маторина — 8 сентября 1936 г. по обвинениям в ст. 58-10, 58-11 была арестована его сестра, Нина Михайловна. Она была приговорена к заключению в ИТЛ сроком на пять лет (Белбалтлаг НКВД). Расстреляна 2 ноября 1937 г. Реабилитирована 17 ноября 1956 г. *arch_iofe_center*. Дата обращения — 20.04.2019 г.

⁸ Бусыгин Александр Александрович (1899–1936 гг.), историк, философ. Заместитель директора ИАЭ АН СССР (1934–1936 гг.). Арестован 1 мая 1936 г., 11 октября приговорен к расстрелу. Реабилитирован 29 октября 1957 г.

троцкистско-зиновьевских групп” Ленинграда. В феврале 1936 г. из Ташкента в Ленинград был этапирован бывший директор ИАЭ АН СССР Н.М. Маторин, арестованный годом ранее. По обвинению в членстве в террористической организации он был приговорен к ВМН и расстрелян 11 октября 1936 г., в один день с заместителем директора ИАЭ, А.А. Бусыгиным, арестованным 1 мая 1936 г.

31 июля 1936 г. на общем собрании членов коммунистической партии ИАЭ АН СССР решался вопрос “о коммунистах, работающих с А.А. Бусыгиным, в первую очередь — о С.Н. Быковском⁹, допустившем примиренчество и попустительство по отношению к нему” (ЦГАИПД СПб. Р-1728. Оп 1. Д. 835530/3. Л. 3). По итогам собрания С.Н. Быковский был исключен из партии и 6 августа арестован по обвинению в ст. 58-10. 27 августа по этим же обвинениям был арестован председатель ГАИМК Ф.В. Кипарисов. 9 сентября аресту подвергся научный сотрудник ГАИМК М.Г. Худяков.

⁹ Сложную ситуацию, сложившуюся в ИАЭ к 1936 г., демонстрирует такой архивный документ, как письмо внештатного сотрудника института А.Н. Дальского к Р.Г. Рубену от 11 июня 1936 г.: “Считаю своим партийным долгом сигнализировать о ненормальной обстановке в ИАЭ АН СССР. В связи с контрреволюционером А.А. Бусыгиным я хочу осветить поведение члена партии С.Н. Быковского, он был оппозиционер и за беспринципную склоку [в ГАИМК] был снят с должности и получил выговор. В ИАЭ он был правой рукой А.А. Бусыгина, игнорировал И.И. Мещанинова, получил степень доктора исторических наук без защиты. Своим руководством он восстановил против себя большинство специалистов в ИАЭ. Вместе с Волковым он пытается захватить руководящие позиции в ИАЭ, оказывая давление на И.И. Мещанинова, вмешиваясь в его распоряжения” (ЦГАИПД СПб. Р-1728. Оп 1. Д. 835530/3. Л. 5–7).

На допросах С.Н. Быковский и Ф.В. Кипарисов после систематически оказываемого на них давления “признались” в создании террористической группы, но, назвав ряд нужных следователям фамилий, не упоминали В.С. Адрианова. Не называл его имени на своем первом допросе, состоявшемся 11 сентября, и М.Г. Худяков. Среди своих “деловых связей с троцкистами” он указал Н.М. Маторина, А.А. Бусыгина, Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского. 29 сентября, на втором допросе, проводившемся следователем Н.С. Драницыным¹⁰, М.Г. Худяков признался в том, что его предыдущие показания были ложными и он являлся участником контрреволюционной организации, созданной Н.М. Маториным в Ленинграде в 1930 г. (Артизов, 1994. С. 36). Согласно протоколу допроса, в террористическую группу ГАИМК он был завербован С.Н. Быковским в декабре 1932 г., после чего дал свое согласие на участие в подготовке террористического акта по подготовке убийства С.М. Кирова. Кроме него “в группе на позициях террористической борьбы настаивали: Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, М.М. Цвибак и С.Н. Быковский”. На вопрос Н.С. Драницына об обстоятельствах вербовки В.С. Адрианова он ответил, что С.Н. Быковским было дано задание проверить, “является ли В.С. Адрианов подходящим человеком для участия в террористической деятельности”. После переговоров с В.С. Адриановым он “убедился, что тот вполне пригоден, о чем и сообщил С.Н. Быковскому” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 18). После личной встречи С.Н. Быковского и В.С. Адрианова в начале 1935 г. последний дал свое согласие на вступление в контрреволюционную группу ГАИМК. Отдельно подчеркивалось, что В.С. Адрианов должен был взять на себя роль физического исполнителя убийства А.А. Жданова, для чего, согласно “показаниям” М.Г. Худякова, “он собирался послать ему подробное письмо по каким-то культурным вопросам с тем, чтобы его заинтересовать и добиться того, чтобы А.А. Жданов его принял” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 19).

¹⁰ Драницын Николай Степанович (1912–?) — лейтенант ГБ, помощник начальника 4 отдела УНКВД Ленинградской области. Арестован 27 ноября 1938 г., осужден 10 июня 1939 г., 1 октября 1942 г. направлен на фронт. Информация о дате и месте смерти отсутствует (arch.iofe.center — дата обращения 18.04.2019 г.).

Судя по всему, после этих показаний ОГПУ был отправлен запрос в Отдел науки при Ленинградском городском комитете с целью получения официального заключения на отправленное ранее В.С. Адриановым письмо. Проект запрашиваемого заключения (№ 2) был подготовлен сотрудником Отдела науки Муратовым и датируется 29 октября 1936 г. В тексте указывается на то, что факты, изложенные в письме, “являются лишь частью правды врага народа, умолчавшего о ряде других важных научно-политических фактах и выводах”. Под выводами подразумевается вредительская деятельность Н.М. Маторина, А.А. Бусыгина, С.Н. Быковского и Ф.В. Кипарисова, проводивших курс “на ликвидацию археологии и этнографии как науки” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 43). Вместе с тем в заключении оговаривалась необходимость организации ИАЭ экспедиций для изучения северных народностей, проведения этнографических выставок и решения вопроса о хранении Пазырыкской коллекции. Таким образом, задачи, сформулированные В.С. Адриановым, были признаны актуальными и необходимыми к реализации, однако самому автору уже фактически был вынесен обвинительный приговор. Письмо В.С. Адрианова и Проект заключения были затребованы следователем ОГПУ Н.А. Завиловым для проведения следствия на Шпалерную, 25.

4 ноября 1936 г. был подписан ордер на арест В.С. Адрианова, состоявшийся 5 ноября, по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-10 и 58-11 УК РСФСР. При обыске были изъяты: паспорт, профсоюзные билеты, две тетради, копии дневников, переписка, винтовка Винчестер¹¹, пять ножей, огнестрельные патроны и зажимы для патронов. Первый допрос В.С. Адрианова состоялся 9 ноября, его проводил следователь Н.С. Драницын. На просьбу назвать своих близких знакомых им были упомянуты такие ученые, как М.П. Грязнов, А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский, М.Г. Худяков, Г.В. Подгаецкий и А.Б. Адлер (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 6). Среди коллег, репрессированных ранее, были названы:

¹¹ Согласно записке В.С. Адрианова от 21 октября 1934 г., хранящейся в его личном деле в НА ИИМК РАН, это ружье находилось у него с 1926 г. Вполне возможно, что оно было получено им для поездок в археологические экспедиции во время службы в Русском музее (НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7. Л. 1).

С.А. Теплоухов, А.А. Миллер, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Быковский, С.И. Руденко.

8 декабря сотрудником УНКВД Н.А. Завиловым¹² из архива Ленинградского областного комитета было получено затребованное ранее письмо и официальное заключение Отдела науки, которые были приобщены в качестве вещественных доказательств к следственному делу В.С. Адрианова. Через несколько дней, 11 декабря, состоялся очередной допрос В.С. Адрианова, на котором он заявил, что “вы меня подозреваете, потому что в моем институте был арестован ряд лиц, с которыми я был в близких отношениях — С.Н. Быковский, А.А. Бусыгин, М.Г. Худяков” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 8). Однако на этом же допросе он “признался” в своем участии в составе контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, в которую был завербован в марте 1936 г., с той оговоркой, что о всех подробностях “контрреволюционной деятельности мне не известно, так как я совсем недавно привлечен к участию в ней” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 10). Относительно обстоятельств вербовки в протоколе записаны следующие показания: “В контрреволюционную группу С.Н. Быковского я обработан С.Н. Быковским в марте — апреле 1936 г. и завербован М.Г. Худяковым в это же время” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 19).

На следующем допросе, 15 декабря 1936 г., следователь И.В. Федоров¹³ предъявил ему показания М.Г. Худякова, касающиеся плана по убийству А.А. Жданова: “Показания М.Г. Худякова также обвиняют Вас в том, что вы работали план по совершению террористического акта над товарищем А.А. Ждановым, который Вы должны были осуществить лично, и провели практические мероприятия для его осуществления. Вы и после этого будете отрицать свое участие в террористической деятельности Быковского-Худякова?” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 20). В ответ

¹² Завилов Ной Аронович (1903–1940 гг.) — сотрудник ОГПУ/УНКВД. Член ВКП(б) с 1920 г., в ГБ с декабря 1925 г. Арестован 26 мая 1938 г., осужден 3 мая 1940 г. ОСО при НКВД СССР. Умер в заключении. arch.iofe.center — дата обращения 20.04.2019 г.

¹³ Федоров И.В. (1904–?) сотрудник ОГПУ. 28 ноября 1956 г. был осужден Военным трибуналом Ленинградского военного округа за фальсификацию судебного производства и применение недопустимых методов ведения следствия по делу “Российской национальной партии” в 1934 г. (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 244).

на данные обвинения В.С. Адрианова заявил, “что показания М.Г. Худякова по этому вопросу ложные. Я никогда никакой террористической деятельности не вел. Письмо А.А. Жданову действительно было мной послано, но с целью ознакомления его с положением на историческом фронте. Других целей к посылке письма не преследовал” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 20). Одновременно с допросами в первой половине декабря была проведена очная ставка между М.Г. Худяковым и В.С. Адриановым.

19 декабря¹⁴ было подготовлено предварительное заключение по обвинению С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова. В этот же день состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда РСФСР. На нем был зачитан приговор, которым подтверждалось, что обвиняемые являлись “активными участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации”, осуществившей 1 декабря 1934 г. убийство С.М. Кирова и подготовлявшей в 1934–1936 гг. ряд террористических актов против руководителей ВКП(б). Вынесенный приговор — высшая мера наказания с полной конфискацией имущества — был приведен в исполнение в день суда (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 36). Справка о расстреле В.С. Адрианова подшита в следственное дело и пронумерована листом 42; конверт, адресованный А.А. Жданову и квалифицированный как вещественное доказательство, приобщен к делу под номером 43...

В ходе реабилитационного процесса, 27 июня 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда было заявлено, что Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов были привлечены к уголовной ответственности и осуждены необоснованно, “так как в результате дополнительной проверки, проведенной по их делам, вскрыты новые обстоятельства, опровергающие предъявленные им обвинения”. Приговор был отменен, а уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. В выданных родственникам справках о смерти сообщалось, что В.С. Адрианов умер, отбывая срок заключения, 23 января 1939 г. (Султанбеков, 2002. С. 120).

¹⁴ В следственных материалах опечатка — документ датирован 19 октября, но ввиду того, что в октябре В.С. Адрианов еще не был арестован, дату следует считать — 19 декабря.

В завершение необходимо еще раз подчеркнуть значимость изучения архивно-следственных материалов, которые являются подчас единственным источником, раскрывающим трагедии человеческих судеб. Известные ранее факты позволяют совершенно под другим углом взглянуть на цепь событий, служащих причинами арестов и дальнейшей гибели целого поколения ученых. Сложно сказать, как бы сложилась судьба В.С. Адрианова, если бы он не обращался с письмом к А.А. Жданову. Вполне возможно, что он был бы арестован вместе с другими научными сотрудниками ИАЭ или ГАИМК, на кого пало случайное подозрение, но не исключено также и то, что не будь этого трагичного совпадения молодой исследователь мог бы продолжить свою многообещающую научную карьеру и прожить насыщенную и интересную жизнь.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00539.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Трудовой список В.С. Адрианова. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4680.

Личное дело В.С. Адрианова. НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7.

Дело № 21766. По обвинению М.Г. Худякова. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3.

Дело № 21766. По обвинению Адрианова В.С. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аншин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 2. С. 33–54.

Брачев В.С. Историк Залман Борисович Лозинский (1898–1936) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 20–26.

Брачев В.С. Советский историк Соломон Исаакович Фендель (1893–1936) // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 3. С. 9–14.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1950. 92 с.

Застрожная (Панкратова) Е.Г. Репрессии 1930-х годов и исследователи античного наследия Крыма // Античные реликвии Херсонеса: Открытия.

- Находки. Теории. Матер. Междунар. науч. конференции (10–12 октября 2017 г.) / Ред.-сост. Д.А. Костромичев. Саки: ИП Бровко А.А., 2017. С. 84–87.
- Зуев В.Ю. Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894–1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология / Отв. ред. И.Л. Тихонов. 1995. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. С. 145–156.
- Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подг. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
- Панкратова Е.Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). Керчь, 2018.
- Панкратова Е.Г. “Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...”: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166.
- Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. М.: Звенья, 1999.
- Платонова Н.И. “Дело” Сергея Ивановича Руденко: 1930–1957. Невский археолого-историографический сборник. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 126–138.
- Решетов А.М. Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете. Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 238–248.
- Решетов А.М.. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. Репрессированные этнографы. 2003. Вып. 2. С. 147–192.
- Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование Азиатского Севера в 1930-е — 1941 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 51–58.
- Сулейманов А.А. Исследования Академии наук СССР в Российской Арктике в 1930-е — 1941 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 392–407.
- Султанбеков Б.Ф. Расстрелян как террорист... (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова). Эхо веков — Гасырлар авазы. 2002. 1-2. С. 107–125.
- Тункина И.В. 2000. “Дело” академика Жебелева. Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2. С. 116–161.

Приложение № 1

ПИСЬМО

В.С. Адрианова к А.А.Жданову

14 марта 1936

Чрезвычайно быстро на далеких просторах нашего Союза меняются древние формы общества на новую жизнь. Происходит действительно коренная ломка застывших при помощи «наших» отечественных колонизаторов национальных культур, т[ак] н[азываемых]. «малых народностей». В чумах ненцев, хантэ, тавгийцев и т.д. появляются новые обычаи, ставятся вопросы о переходе на оседлость, а кое-где и фактически переходят. Несомненно и то, что с каждым годом этот процесс смены общественных форм в своем развитии прогрессивно ускоряется.

Там, где нет письменности, там, где нет архивов единственное, что может дать материал для создания истории, это изучение этнографии, археологии и антропологии. Но если для Вас, Андрей Александрович, было ясно, что группа [...] ни в коей степени не удовлетворяет своим конспектом учебника, то, к сожалению, очень много людей замечания т. Сталина,

т. Кирова и Ваши, по-видимому, не приняла как это следовало бы и как пример:

В «Известиях»¹ от 12 марта в статье о работах в 1936 г. экспедиции Академии наук за подписью неопременного секретаря академика Н.П. Горбунова не имеется ни одной экспедиции для изучения быта той или иной народности. Это очень печальный факт, рисующий большое недопонимание быстроты смены общественных форм на окраинах, что в городах мало заметна. После революции /в 1926 г./ в залах Этнографического музея (б. Русский музей) открылась первая и последняя отчетная выставка этнографических материалов. Это был в известном смысле² праздник науки, хотя и частью формальный по характеру произведенной работы. Наличие в числе гостей дипломатов разных государств делало эту выставку, в известной степени значительным политическим фактом. С тех пор работы по этнографии буквально свелись на нет и этнографы под руководством Н.М. Маторина /

¹ Известия Академии Наук СССР — научный журнал, издаваемый с 1894 г. В 1936 г. в ходе реорганизации был разбит на новые серии (Серия истории и философии).

² Зачеркнуто.

троцкист/ занимались лишь изучением нового быта, а археологи, хотя и производили значительную работу, давшую много новых открытий в частности по палеолиту, не задевали окраин Союза. Единственный памятник древности, раскопанный на Алтае в 1929 г. /также Этногр[афическим] музеем/ и имеющий мировую ценность /ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН/³, давший 10 трупов коней с седлами, сохранившимися как только что погребенные, несмотря на свыше чем 2000-летнее лежание в кургане, правда в мерзлоте, до сих пор еще не опубликован, но в то же время послужил причиной большой борьбы, в результате которой Эрмитаж разобрал выставку в Этнографическом музее, незадолго перед этим одобренную т. А. Бубновым⁴ и ныне наиболее ходовые древние вещи экспонированы в Эрмитаже, а этнография и опять-таки часть археологии в Этногр[афическом музее]. Мое письмо, опубликованное по поводу разрушения этой выставки /1933 г./ в Ленинградской правде встретило живейший отклик среди товарищей, но [...]. Эрмитаж, очевидно по традиции, остался владельцем пазырыкских материалов. Остановившись на этом факте подробнее, мне хотелось отметить этим, что еще в начале 1933 г. для молодых научных работников было ясно, что нельзя выставлять отдельно этнографические предметы и предметы археологические одного района.

[...] времени после 1926 г., потребовавший большого напряжения государства для индустриального подъема и последующий момент перехода крестьянства на новые формы хозяйства, естественно отражался на материальном состоянии работ по этнографии и археологии, но уже к 1935 г. государство настолько окрепло, что вряд ли можно объяснить задержку в развитии работ недостатком средств, а тем более непонятно такое положение для 1936 г.

Решившись оторвать Вас от Вашей повседневной работы, быть может, на первый взгляд, ненужными мелочами, мною руководила надежда, что только Вы сможете сдвинуть с

мертвой точки столь нужное дело, тем более что все экспедиции по сбору материала по этнографии, археологии и антропологии, в особенности этнографии и антропологии, должны быть закончены в 3-4 года, после делать будет нечего. Есть еще один момент, для меня так же мало понятный, это то, что поездки во вне советские страны сейчас маловероятны, но растут школы, растет культурный уровень и обменом этнографических материалов наши музеи смогли бы показать жизнь зарубежных стран, а этого обмена нет. Возвращаясь снова к причине отсутствия работ по указанным наукам, следует отметить, что новые кадры и [...] подкованные есть и материальные затраты сравнительно настолько ничтожны, что организация экспедиций за сбором материалов вряд ли будет слишком накладным расходом. Выражая здесь свое личное мнение, я не сомневаюсь, что его в принципе разделяют и многие молодые научные работники.

В.Адрианов

14/III 1936 г.

Фонтанка 145 кв. 23

и/о старшего научного сотрудника

Вас. Ст. Адрианов

Ин[ститу]та антропологии, археологии и этнографии

Автограф

Публ. впервые

Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. т. 7.

Л. 43 — конверт, страницы письма б/н

Приложение № 2

ПРОЕКТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

по вопросу о состоянии на научном фронте по этнографии, антропологии и археологии

1/ Предложение Адрианова, посланное в Ленгорком партии, относительно необходимости форсирования дела организации экспедиции в отдаленные края Советского Союза, для изучения и выявления этнографических материалов прошлого и настоящего ряда народностей /ненцы, хантэ, вотяков и др./, исходя из того, что там, где нет письменности, там, где нет архивов, единственное, что может дать материал для создания истории — это изучение этнографии, археологии и антропологии /из заявления Адрианова/, заслуживает внимания и является одной лишь частью правды

³ Раскопки Первого Пазырыкского кургана были начаты Алтайской экспедицией Русского музея в районе р. Улагана в 1929 г. под руководством С.И. Руденко и М.П. Грязнова. Центральное погребение кургана было совершено в двойном срубе. М.П. Грязнов особенно отмечал полную анатомическую сохранность лошадей и хорошую сохранность конского снаряжения. Грязнов, 1950. С. 6.

⁴ Бубнов Андрей Сергеевич (1884-1938), народный комиссар просвещения РСФСР (1929-1937).

врага, умолчавшего зато о ряде других важных научно-политических фактах и выводах, касающихся состояния на фронте антропологии, этнографии и археологии в ленинградских научных учреждениях. Те выводы, которые Адрианов, как враг, пытался умолчать, должны сделать мы, на основе изучения конкретного состояния указанных научных фронтов.

2/ Отметить, что в Институте антропологии, этнографии и археологии Академии наук, благодаря тому, что там в течении ряда лет у руководства сидели контрреволюционеры: Бусыгин /зам. директора/, Быковский, Маторин и др., вредительствовавшие на этом научном участке, эти отрасли науки, вместо того, чтобы успешно развиваться, развитие их тормозилось и отставало от задач, выдвигаемых потребностями социалистического культурного строительства и такие контрреволюционеры типа Быковского и Бусыгина и Кипарисова /одни в Институте антропологии, этнографии и археологии, другие в ГАИМК/ по существу проводили курс на ликвидацию археологии и этнографии, как науки, подобно тому, как они своими «социологизированиями» брали курс на ликвидацию исторической науки.

3/ Считать совершенно ненормальным и вредным ликвидацию в Лен[инградском] гос[ударственном] университете, еще во время работы Маторина, по примеру Московского гос[ударственного] университета, отделений, где готовились кадры студентов — специалистов по этнографии, антропологии и археологии. В результате этого, фактически рост молодых советских кадров по указанным отраслям науки был приостановлен и институты [ГАИМК и ИАЭ] очутились перед фактом острой нехватки для себя кадров по указанным отраслям науки.

4/ Предложить Президиуму Академии наук совместно с представителями Института антропологии, этнографии и археологии, ГАИМК, Эрмитажа и Наркомпроса обсудить вопрос о создании при Московском и Ленинградском государственных университетах циклов /секций или отделов/, готовящих высококвалифицированные кадры музейных работников, кадры по антропологии, этнографии и археологии, ударив решительно по «левацким» тенденциям тех, кто будет препятствовать против восстановления этих циклов и недооценивать важность подготовки кадров по этим отраслям науки.

5/ Предложить Президиуму Академии наук обсудить на ближайшем заседании доклад дирекции Института антропологии, этнографии и археологии относительно плана организации научных экспедиций в отдаленные края Советского союза для изучения этнографии, антропологии и археологии, особенно тех народностей, которые переходят к оседлости, там, где не раньше не было письменности, архивов и т.д. Выработать план организации этнографических экспедиций на 1937 и ближайшие годы ассигновать необходимые для этого средства и связаться в этих целях с местными правительственными советскими и научными учреждениями.

6/ Отметить, что в области организации этнографических экспедиций, экспедиций по изучению быта и фольклора народностей Советского союза, археологии, в Академии наук и было необходимой плановости и направленности. Предложить ИАЭ составить точный план этих экспедиций.

7/ Президиуму Академии наук при участии заинтересованных организаций /Эрмитаж, ГАИМК, ИАЭ и т.д./ обсудить вопрос о порядке и месте хранения материалов этнографических, археологических и антропологических экспедиций, в частности, вопрос о хранении материалов экспедиции И.П. Козлова, материалов экспедиции 1929 г. в Пазырыкский курган, положив конец нецелесообразной, с научной точки зрения, практике разбазаривания этих материалов по частям по разным научным учреждениям, вместо концентрации их в одном месте.

8/ Предложить Институту антропологии, этнографии и археологии, совместно с другими заинтересованными научными учреждениями, обсудить вопрос о возможности организации больших выставок этнографического материала, по примеру выставки, организованной в 1926 году в Русском музее.

9/ Предложить Президиуму Академии наук составить ориентировочный план обмена этнографическими материалами наших музеев с заграницей.

10/ Считать, что перед лицом острой, актуальной необходимости борьбы с фашистскими лженаучными теориями по этнографии, антропологии и археологии, ИАЭ и другие научные учреждения все еще неудовлетворительно развертывают борьбу на этом научном фронте против фашистских теорий.

11/ Сообщить настоящее заключение в Отдел науки ЦК.

12/ Указать Парткому Академии наук о практических мерах, принятых для реализации принятых в этом заключении предложений. Информировать Отдел науки Ленинградского горкома партии.

13/ Копию заключения сообщить в Особый сектор Ленобкома партии, в Партком Академии наук, непременно секретарю Академии наук СССР – Горбунову, в Отдел науки ЦК т. Андрееву, директору Института антропологии

и этнографии, в партком ГАИМК, Эрмитажа и Русского музея.

Обследователь Отдела науки
Ленгоркома ВКПб

29/X- 36 г.

Член ВКПб Муратов
с I/1925г.

Авторизованная машинопись с правками
Публ. впервые

Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т.7.
б/н.

[Орфография документов сохранена]

A LETTER THAT CHANGED THE FATE ... (UNPUBLISHED MATERIALS TO THE BIOGRAPHY OF V.S. ADRIANOV)

E.G. Pankratova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**E-mail: pankratova0484@yandex.ru*

The article focuses on previously unknown episodes in the biography of the archaeologist V.S. Adrianov restored on the basis of archive materials and an investigation file kept in the Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region. Among the case records an envelope with “physical evidence” was preserved which proved to be a letter to A.A. Zhdanov with a request to include ethnographic trips in the scientific plan of the Academy of Sciences. This document made it possible to completely restore the tragic train of events that eventually led to the arrest and execution of the young researcher.

Keywords: history of science, archaeology, expeditions, political repressions, V.S. Adrianov, Academy of Sciences of the USSR.

ARCHIVE MATERIALS

Delo № 21766. Po obvineniyu Adrianova V.S. [Case No. 21766 against V.S. Adrianov]. *Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region]*, P-23819, T. 7.

Delo № 21766. Po obvineniyu M.G. Khudyakova [Case No. 21766 against M. Khudyakov]. *Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region]*, P-23819, T. 3.

Lichnoye delo V.S. Adrianova [Personal file of V.S. Adrianov]. *Nauchnyy arkhiv IIMK RAN [Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture]*, F. 2, Op. 3, D. 7.

Trudovoy spisok V.S. Adrianova [List of V.S. Adrianov's works]. *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN [St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS]*, F. 4, Op. 4, D. 4680.

REFERENCES

- Anshin F.D., Alpatov V.M., 1994. «Delo slavistov»: 30-e gody [“The case of Slavists”: the 1930s]. Moscow: Naslediye. 284 p.
- Artizov A.N., 1994. The fate of the historians of M.N. Pokrovsky's school (the mid-1930s). *Voprosy istorii [Voprosy istorii]*, 7, pp. 34–48. (In Russ.)
- Brachev V.S., 2008. Historian M.M. Tsvibak and his fate (1899–1937). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*, 2, pp. 33–54. (In Russ.)

- Brachev V.S., 2015. Historian Zalman Borisovich Lozinsky (1898–1936). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*, 4, pp. 20–26. (In Russ.)
- Brachev V.S., 2016. Soviet historian Solomon Isaakovich Fendel (1893–1936). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*, 3, pp. 9–14. (In Russ.)
- Gryaznov M.P., 1950. Pervyy Pazyrykskiy kurgan [The first Pazyryk mound]. Leningrad: Izdatel'stvo GE. 92 p.
- Lyudi i sud'by. B, ediobibliograficheskiy slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991) [People and fates. Bibliographic Dictionary of Orientalists — victims of political terror in the Soviet Period (1917–1991)]. Ya.V. Vasil'kov, M.Yu. Sorokina, eds. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2003. 496 p.
- Pankratova E.G., 2018. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya antichnykh pamyatnikov Vostochnogo Kryma: ot Oktyabr'skoy revolyutsii do Velikoy Otechestvennoy voyny (1917–1941 gg.) [History of the archaeological study of the East Crimean Antiquity sites: from the October Revolution to the Great Patriotic War (1917–1941)]. Kerch'. 160 p.
- Pankratova E.G., 2019. "I do not believe all this could go bad, it would be too unfair ...": to the biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 154–166. (In Russ.)
- Petrov N.V., Skorkin K.V., 1999. Kto rukovodil NKVD. 1934–1941 [Who ran the NKVD. 1934–1941]. Moscow: Zven'ya. 502 p.
- Platonova N.I., 2004. The "Case" of Sergey Ivanovich Rudenko: 1930–1957. *Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik [The Neva archaeological and historiographic collection]*. St.Petersburg: SPbGU, pp. 126–138. (In Russ.)
- Reshetov A.M., 2000. Vasily Stepanovich Adrianov: life interrupted on take-off. *Drevnosti Yamala [Yamal antiquities]*, 1. Ekaterinburg; Salekhard: Ural'skoye otdeleniye RAN, pp. 238–248. (In Russ.)
- Reshetov A.M., 2003. The tragedy of personality: Nikolai Mikhailovich Matorin. *Repressirovannyye etnografy [Ethnographers — victims of political repressions]*, 2. Moscow: Vostochnaya literature, pp. 147–192. (In Russ.)
- Suleymanov A.A., 2015. The USSR Academy of Sciences and the study of the Asian North in the 1930s — 1941. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*, 1, pp. 51–58. (In Russ.)
- Suleymanov A.A., 2016. Studies of the USSR Academy of Sciences in the Russian Arctic in the 1930s — 1941. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, pp. 392–407. (In Russ.)
- Sultanbekov B.F., 2002. Shot as a terrorist ... (through the pages of the investigative case of the historian Mikhail Khudyakov). *Ekho vekov — Gasyrlar avazy [Echo of the centuries — Gasyrlar avazy]*, 1-2, pp. 107–125. (In Russ.)
- Tunkina I.V., 2000. The "Case" of Academician Zhebelev. *Drevniy mir i my: Klassicheskoye naslediye v Evrope i Rossii [The ancient world and we: Classical heritage in Europe and Russia]*, 2. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 116–161. (In Russ.)
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G., 2017. Repression of the 1930s and researchers of the antiquity heritage of Crimea. *Antichnyye relikvii Khersonesa: Otkrytiya. Nakhodki. Teorii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 oktyabrya 2017 g.) [Antique relics of Chersonesos: Discoveries. Finds. Theories: Proceedings of the International scientific conference (October 10–12, 2017)]*. D.A. Kostromichev, ed. Saki: IP Brovko A.A., pp. 84–87. (In Russ.)
- Zuyev V.Yu., 1995. Materials for the biography of Grigory Iosifovich Borovka (1894–1941). *Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya [St. Petersburg and Russian archaeology]*. I.L. Tikhonov. St.Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, pp. 145–156. (In Russ.)